

МАРИНА ГАЛИМОВА

БЕЛЫЕ АНГЕЛЫ

Марина Галимова

Белые ангелы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72046393

SelfPub; 2025

Аннотация

"Белые ангелы" – откровенный рассказ о том, как меняется жизнь после комы. Как бороться с несвободой полтора месяца? Каково жить с 6% лёгких? Почему нельзя, держа в руках глобус, рассуждать о "плотности панциря черепахи, которая стоит на слонах"? Кто такие близкие люди и как они влияют на твою жизнь? На эти и другие вопросы отвечает первая в жизни автора книга.

Марина Галимова
Белые ангелы

Предисловие

Тысячи людей прошли через одиночество белых тихих реанимаций. У каждого своя история, своя боль, своя война и своя победа. Существование с новым, до сих пор неизвестным вирусом заставило нас смотреть на жизнь по-новому. Это коснулось не только заболевших, но и тех медицинских работников, которые спасали жизни зараженных новой чумой нового тысячелетия. Мой рассказ, мои воспоминания – лишь капля из океана общего горя и борьбы за жизнь. Мне повезло – я осталась жива! Мою память не тронула болезнь, а я знаю, что не все могут этим похвастаться. Всё до сих пор живо, и я вновь переживаю ту, другую, уже прошлую жизнь.

Часть первая

Пробуждение

Я упала в больничном коридоре. Закружилась голова. Но на помощь позвать успела. Встать не смогла. Помню, как уже на кровати меня раздевают сильные уверенные руки. Попросила сохранить вещи. И всё. Свет выключился. Темнота.

Чёткие видения: что-то сдирают со спины и снова наклеивают. Но не больно. И так несколько раз. И снова темнота.

Потом я проснулась. Вокруг ходили «космонавты» в белых скафандрах, а я лежала на огромной кровати, и из меня торчали прозрачные трубки. А на лице была жёсткая маска, ужасно неудобная. Там, где маска впивалась в лицо – на лбу и на переносице – было больно. В этих местах уже образовались ранки и немного кровоточили. Снять я эту маску не могла: она была для меня единственной возможностью жить.

Тело не слушалось, в голове роился миллион мыслей, было неловко, непонятно. И вдруг пришёл страх. Необъяснимый, жуткий, я едва его сдерживала. Сколько дней прошло? Что со мной было? Где я???

– Скажите, пожалуйста, какое сегодня число?

– Четвертое ноября.

Ноябрь. Когда я вырубилась, был конец октября. 23-е вроде бы... Ужас...

Но моё нынешнее состояние было не менее ужасным. Больше всего меня пугало то, что впервые в жизни я не принадлежала себе: не могла за собой ухаживать, планировать день, свободно передвигаться. Я полностью зависела от окружающих меня людей – чужих людей, незнакомых, которые ничем мне не обязаны. Ещё сильнее угнетало бездействие. Нельзя было разговаривать – не давала маска. Да и не с кем: «космонавты» постоянно заняты, большинство соседей по палате – без сознания, а кто в сознании – в такой же маске, как я. Читать было нечего, писать – не на чем. Телефон остался в палате общего отделения. Мозг уже работал на холостых оборотах. И чтобы хоть как-то отвлечься от состояния неопределённости, я стала наблюдать.

Через проход от моей кровати стояли три аппарата ИВЛ. К ним были подключены пожилые женщины – бабушки. Одна лежала с августа. Это же почти три месяца! Страх накрыл новой волной: «Мне туда нельзя! Что делать, чтобы туда не попасть? Это вообще от меня зависит?» Пришло чёткое осознание, что ИВЛ – путь в один конец. И это оказалось правдой. Одна за другой эти бабушки умерли. Но страшнее смер-

ти для меня было состояние «существования». «Лучше уж смерть, – думала я. – Лучше смерть». Это сейчас я понимаю, что смерть никогда не лучше, но тогда... Надо было срочно что-то делать!

– Скажите, пожалуйста, как вас зовут?

– Настя.

– Очень приятно. Можно у вас попросить бумагу и ручку?

Мне достались листок из тетради в клетку и старый фломастер. Теперь надо было решить, что написать. Что потом можно будет перечитывать. В сознании начали всплывать библейские афоризмы. Я обрадовалась: память в порядке. Но когда я начала записывать, радость поутихла. Не все буквы получались с первого раза. Я же филолог! Ну ничего, надо тренироваться, и руки станут более послушными. Память действительно не подвела, и лист быстро заполнялся кривоватыми строчками. Но это уже была хоть какая-то деятельность. Это была жизнь!

В палату зашла санитарка, которая помогает на кухне, спросила, буду ли я обедать. Я сказала: «Нет». Отвыкла. Желудок вообще никаких сигналов не подавал. Есть не хотелось. Я решала более важный вопрос, чем восстановление привычек питания. Я размышляла над тем, хочу ли я дальше жить.

Обдумать нужно было очень многое. Сначала осознать, какое наследство останется племяннице, не лягут ли на неё мои проблемы тяжким бременем. О себе я вообще тогда не думала, пыталась понять, каково будет ей. Когда всё мысленно подсчитала (заставляла себя считать в уме, это успокаивало, как ни странно), стало ясно, что остаётся больше. Успокоилась. На тот момент моя смерть решила бы их жилищную проблему. Ужаснулась. Хотела бы я решить свои проблемы ценой смерти близкого человека? Нет!

Следующий вопрос был более глобальным: имеет ли человек право сам решать, жить ему дальше или нет? Моё глубокое убеждение, что жизнь – это дар Создателя. Выбрала бы я небытие, будучи здоровой? Нет. Миллионы людей лишились жизни против своей воли: холокост, войны, эпидемии, природные катаклизмы. А я лежу, в общем-то, живая, руки-ноги на месте. Да, мне очень больно и очень плохо. Лёгких, видимо, тоже не осталось. Без маски дышать не могу. Чтобы уйти из жизни, нужно всего лишь её снять, тело умрёт быстро. Но вот сознание... Будет ли моя совесть чиста в последние минуты жизни? Нет. Буду ли я умирать со спокойной душой? Нет. Смогу ли я вернуться по своей воле? Нет. Тогда зачем себя убивать, раз легче не станет? По всему выходило, что из двух зол нужно выбирать меньшее, а именно – надо жить дальше. В тот день я даже отдалённо не представляла,

в какую борьбу вступаю. Какими длинными будут дни и тягостными – мысли. Как тяжело будет каждое утро находить причину прожить ещё один день, особенно если этот день – суббота. Причём не просто прожить, а прожить с радостью, иначе не будет смысла.

Увидев, как я отчаянно скребу полустёршимся фломастером по бумаге, медсестра сказала: «Вы напишите, что нужно, и когда ваша племянница позвонит, врач ей прочитает, и вам всё принесут. Она постоянно звонит». Взрыв! Оказывается, обратная связь существует, пусть и такой сложной конструкции. И Наташа звонит! Глаза защипало. Но чувства в сторону. Предстояло очень важное дело: написать записку для Наташи, причём в минимум слов нужно вложить максимум информации. Я очень старалась.

Вернулась медсестра.

– Написали?

– Да.

– Давайте. – Тетрадь, ручка, влажные салфетки. И в последнюю секунду между строчек я вписала «Библия». На что я вообще надеялась? Кто разрешит в красную зону заносить личные вещи? Тем более книгу. Но потом я поняла, что это было проявлением инстинкта самосохранения. Оставалось ждать.

Снова зашла санитарка.

– Ужинать будете?

А почему нет? Надо. Раз уж я решила, что «остаюсь», надо возвращаться в нормальную жизнь. В том числе, ужинать. Пусть это и не ресторан, а больничная каша в одноразовой пластиковой посуде.

Когда принесли ужин, меня ждал ещё один неприятный сюрприз: кислород высушил полость рта, есть было неприятно, хотя уже очень хотелось. И есть надо было очень быстро, потому что сатурация без маски падала с каждой минутой. Ещё раз поняла, что без маски мне не выжить. Опять стало страшно. Вспомнила статью из старого журнала: женщина несколько лет прожила в аппарате «железные лёгкие». Причём она именно жила. К ней приходили друзья и знакомые, она общалась, писала письма. Неужели это моя участь? Если да, то нужно уже сейчас начинать думать, как с этим жить. Решение было принято.

Пока ждала «передачку», очень переживала за своих. Темнеет рано, холодно, на дорогах опасно. Они могут заразиться в любой момент. Я тогда ещё не знала, что молодёжь «коронай» практически не болеет. То есть они могут заразиться, конечно. Но переносят заболевание гораздо легче, чем взрослые и пожилые люди. Covid-19 не любит молодые лёгкие – невкусные, наверное. Я была готова отказаться от

передач, лишь бы только с ними ничего не случилось. И даже почти перестала ждать.

Я что-то писала, когда в палату зашла санитарка с огромным пакетом. Счастье, казалось, приподняло меня над кроватью. Следом шёл ещё один белый ангел с пакетом в руках – тоже для меня. Вам знакомо состояние, когда внешний мир будто отключается и жизнь сосредотачивается на каком-то одном действии? Это случилось со мной, когда я начала разбирать пакеты. Каждая вещь была настоящим сокровищем. И это не метафора. Закончилась пустота, мой мир снова стал наполняться жизнью. Влажные салфетки. Большущая пачка. В реанимации они равны валюте. Нужны постоянно. Радовало, что я теперь не буду их просить, а даже смогу поделиться, кому-то помочь. Тетрадь на пружинке. В клетку. 96 листов. Ещё с универа обожаю толстые тетради. В них листы почти никогда не заканчиваются. Можно писать, не думая об экономии бумаги. Ручки. Цветные! Красота! Но сюрпризы только начинались.

Письма! Бумажные письма я не получала с начала 21 века – с тех самых пор, как купила мобильник. Очень быстро вошли в моду смс-ки. И вот они: запах бумаги, чернил, неровные буквы. Оказалось, дома всё хорошо: все живы, здоровы, даже одна свадьба намечается. Переживают за меня... Чтобы читать дальше, пришлось вытирать глаза.

Библию тоже удалось передать. Вы же понимаете, что это особая книга. Когда у человека кардинально меняются обстоятельства, нужно читать Библию заново: она откроется с той стороны, которая нужна именно сейчас. Как раз мой случай: пережить реанимацию, не зная даты выписки и реального состояния организма, практически без движения и связи с внешним миром. Если не поможет Библия, то уже не поможет никто и ничто. Скажу сразу – помогла.

Второй пакет таил настоящее чудо – живой цветок! Оранжевая гербера на гладком длинном стебле. Когда я вытащила его наружу, обернулись все. Тут же медсестра принесла красивую бутылочку в виде вазочки. Удивительно, но этот цветок стоял необыкновенно долго – до первого несостоявшегося перевода в общее отделение. Вторым чудом оказался слоёный пирожок с джемом. От него исходил невероятный запах хорошей пекарни, он контрастировал со спиртово-хлорным запахом больничного отделения. Решила оставить его на утро. Праздник должен продолжаться!

Когда восторг сменился тихой радостью, а взгляд отдыхал на гербере, вспомнились слова Одинцовой из «Отцов и детей»: «В деревне нельзя жить беспорядочно, скука одолеет». Взяла свою новую тетрадку, открыла ручку. Первым делом начертила календарь, причём с первого дня госпитализации

– хотелось хоть как-то вернуть пропавшие из жизни 2 недели. Решила, что буду отмечать там не только даты, но и события. Какие именно, я ещё не знала, но понимала, что они должны появиться. Потом я написала план на следующий день: что прочитать, что записать. Позднее к плану стали добавляться упражнения, количества подходов, виды гимнастики. Тетрадь совершенно естественно разделилась на три части: в начале оказался календарь и библейские заметки (не подумайте, что это было школярство типа «прочитала параграф – записала главные мысли»; делать записи – это возможность, пусть и бледненькая, размышлять над прочитанным, пока нет настоящего спарринг-партнёра), с другой стороны – записи по работе (да-да, я трудоголик, сразу стала думать, что ещё можно размещать в Instagram, какие рубрики открыть в других соцсетях, как осветить юбилей родной фирмы). А в середине тетради оказались заметки, из которых и получились «Белые ангелы»...

...Есть такое выражение – жизненный уклад. Это привычки, последовательность действий, определённые требования к уровню жизни. Если человека внезапно выдернуть из привычного уклада, он может растеряться и даже потеряться. И наоборот, оказавшись в новых обстоятельствах, большинство из нас стараются по возможности восстановить прежний жизненный уклад или начинают строить новый.

Моя ситуация осложнялась тем, что никто не называл сроков. Точно не неделя. Возможно, даже не месяц. Постепенно я начала понимать, что задавать врачам вопрос «Сколько?» – бессмысленно. Они, с их опытом и образованием, не знали. НЕ ЗНАЛИ. И никто не знал. Всё, что они могли сказать. «Лежим. Дышим». Желательно на животе.

Жизнь начала обретать цикличность, а значит и стабильность. Она зависела от смен медицинского персонала. Мой лечащий врач – будем называть её Дарья Моревна – по выходным не работала. А её указаний дежурные врачи, естественно, изменить не могли. Указание, собственно, было одно: сколько кислорода должен подавать аппарат в мои лёгкие. Больной в самом тяжёлом состоянии получает 100%. Это значит, сам он не дышит, за него это делает аппарат. Эффективность работы определяется сатурацией. Чем она выше, тем здоровее организм. А дальше начинается соревнование: понемногу убавлять подачу кислорода, чтобы при этом сатурация не падала. Чем меньше процент подачи кислорода и чем выше сатурация, тем ближе перевод в общее отделение, а потом домой. Объясню на примере. На второй или третий день после комы сатурация у меня была в районе 85%. Но стоило снять маску, чтобы пообедать, она в течение 15-ти минут падала до 75%. А если я после обеда хотела умыться или поменять пластырь на шрамах от маски, то и до 62%. Однажды это увидела одна из «валькирий» (о них

рассказ впереди) и сильно рассердилась: терять сатурацию – это преступление. Стала кормить с ложки. Никогда раньше гороховая каша не влетала в меня с такой скоростью. Даже в далёком детстве!

Но вернёмся к «соревнованию». Врач мог убавить количество кислорода, чтобы посмотреть, насколько организм начал справляться самостоятельно. Если сатурация не падала, то дня через 2-3 количество кислорода снова немного уменьшали. Так вот, дежурные врачи этого не делали, только лечащий. Получалось, что выходные проходили зря. Они не приближали день выписки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.